

Дарья Меркотан

СКАЗКИ КОРОЛЕВСКОГО БАРДА

для детей, которые успели вырасти

Дарья Меркотан

**Сказки королевского барда. Для
детей, которые успели вырасти**

«Издательские решения»

Меркотан Д. В.

Сказки королевского барда. Для детей, которые успели вырасти /
Д. В. Меркотан — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901517-4

Дебютный сборник сказок от Дарьи Меркотан. Три удивительных рассказа
о барде который в своё время служил при королевском дворе.

ISBN 978-5-44-901517-4

© Меркотан Д. В.
© Издательские решения

Содержание

Как бард глухому пел	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Сказки королевского барда Для детей, которые успели вырасти

Дарья Владимировна Меркотан

Редактор Глеб Буваненко

© Дарья Владимировна Меркотан, 2017

ISBN 978-5-4490-1517-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как бард глухому пел

Навстречу ему скакала не девица и не парень: что-то среднее, благодаря ухищрениям придворной моды. Так что попробуй разбери с такого расстояния, есть под кирасой грудь, али пустая она. И все же это был мальчик! Без сомнений, не могла женщина так ровно держаться в седле, неся на плечах тяжесть доспехов. Поравнявшись с ним, воин резко натянул поводья. Добротный конь, сытый, с блестящей шкурой широко раздувал ноздри, косил глаза на коленку, закованную в железо, и норовил цапнуть за нее.

Он скользнул взглядом по обмундированию всадника. Богатое седло... Если присмотреться. Уздечка и нагрудная прозвездь блестели ярко начищенным серебром, немного потертым. Доспехи были в выщерблинах и царапинах, не слишком глубоких, но легших такой густой сетью на металл, что он перестал отражать солнце. Кожа тоже была в паутине складок. Иначе говоря, сразу было и не определить, к какому сословию принадлежал воин: то ли разорившийся дворянин, то ли обыкновенный бандюга, отбившийся от шайки.

– Доброго дня, – всадник снял перчатку и протянул руку с длинными пальцами. – Я не кусаюсь, – заметил он, пока бард, которому страсть как хотелось поговорить с кем-нибудь, не мог вытянуть из себя ни слова.

– И вам того же, сир.

– Хе! Рыцарем обозвал! Ладно, нравишься ты мне, – всадник улыбнулся, обнажив крепкие лошадиные зубы. – Поехали со мной, будешь воспевать мои... Ну, не подвиги. Дела. А скоро, быть может, и подвиги. Кто знает...

– Деточка, ты кем себя возомнил? Я играл при дворе самого короля!

– А чего пешком идешь? Э! – не-рыцарь досадливо махнул рукой с зажатой в ней перчаткой и ударил коня пятками в бока. – Много пропустишь, пока под ноги смотреть будешь. Со мной и интереснее, и страну повидать сумеешь.

Всадник хрипло выматерился. Видно, тоже ему скучно было. Бард нагнал коня, так и стремившегося перейти на рысь, и взялся за стремя.

– Так тебе бард нужен?

– Дошло до утки на третьи сутки.

– Ты со мной не шути, а то такую песню сочиню, потом до конца жизни без красных щек в гостиницу не войдешь.

– Язык вырву.

– Спасибо, хоть пальцы не скормит... – пробормотал бард.

– Что? Четко говори, туговата я на ухо.

Но вот он поднял глаза на воина. Могли ли быть у мальчика эти губы, могла ли быть у мальчика эта посадка головы, могли ли быть у мальчика эти тонкие пальцы? Ее красота была красотой зрелой женщины, и бард вспыхнул красным до кончиков ушей.

– О! Миледи! Виноват, я не думал, что дама вашего возраста и статуса станет разъезжать в одиночку по нашей стране, – он поклонился до земли, сняв шляпу и подметая пером дорогу.

– Хе! Миледи обозвал! Хорошо, в этот раз я тебя прощаю, – дама сверху-вниз глянула на музыканта. – Странное дело... Разве ты не слышал о женском подразделении Рыцарского Ордена Святого Георга?

Бард присмотрелся к щиту, притороченному к седлу. Герба на нем было, а если и был когда-то, то теперь он был замалеван черной краской, причем, явно наскоро – в некоторых местах все еще виднелся зеленый фон.

– Нет, миледи, не слышал. Но позвольте заметить, что ваша экипировка скорее напоминает мне о рыцарях, сбежавших с войны, чем о благородных воинах, что борются за своего государя...

Она резко свесилась вниз, зло блеснув глазами. Бард отшатнулся, до белых костяшек сжав ремень своей сумки, и сильно побледнел. Такие взгляды никогда не сулили ничего хорошего.

– Это хорошо. Бард, – она выплюнула последнее слово. – Пойдешь со мной?

– До той поры, пока нам обоим будет по пути.

Он гордо зашагал рядом с конем.

Бард все чаще замечал, что дама то картавит, то неправильно произносит звуки. Она еле заметно вздрагивала, как конь от увиденной палки, когда он подходил к ней из-за спины. Слух, судя по всему, у нее отнялся давно, а язык начал путаться без него лишь в последнее время. Удивительно, как она вообще понимала, что ей говорят.

– Зачем тебе бард?

Она сделала вид, словно витала в облаках и не слышала, так что вопрос пришлось повторить.

– Чтобы обо мне потомки помнили, – женщина улыбнулась. – Песню сочинишь, она станет известной...

– Ты сможешь ее услышать?

– Что за вопрос? Я могу тебе даже мотив напеть и идею для рассказа подскажу!

Дама откашлялась, будто и правда собралась петь, но вместо этого вдруг вытащила из-под лошадиной попоны меч. Его клинок, в отличие от кирасы, был ярко начищен и блестел в свете костра, рукоять его была покрыта черной кожей. Также на ней располагалось кольцо, чтобы меч в случае чего можно было держать горизонтально.

– Он не слишком дорог для простой дамы?

– Песню о нем напишешь, тогда расскажу, откуда он у меня.

– Как я напишу песню, если не знаю всей истории?

Дама задумалась и поудобнее уселась у костра, положив меч поверх колен.

– Недавеча ехала я близ озера. Гляжу, гладкое оно стало, серебряное, ну прямо зеркало. И тут из него высовывается рука. Зеленая, вся в чешуе, пиявках и бородавках. Эге, думаю, какая страшная жаба вымахала. А рука трясет мечом. Я лошадь к дереву привязываю, спускаюсь к воде и на руку эту смотрю. Не хотелось, понимаешь, ноги мочить. Вдруг из воды кикимора выпрыгивает, да как заголосит...

У барда уши сначала покраснели, потом посинели, грозя отвалиться. Женщина решила пересказать ему весь монолог озерной девы, ругаясь при этом страшно и по-мужски, да так искусно, что поставь рядом корабельного боцмана – он бы себе пару-тройку выражений записал на память.

– ...наорала на меня и мечом в меня бросила.

– Позволь, я кое-что уточню, – бард боязливо поежился и никак не мог отойти от услышанного. Он не знал, что смутило его больше: что кикиморы раздают мечи направо и налево или что дама, а он все же надеялся на ее благородное происхождение, так ругалась. – Она тебя матом обложила за то, что ты меч долго не брала?

– Ну да. Гадина морская, – женщина сплюнула. – Какой нормальный человек осенью в воду полезет? Я ей так и сказала, а сверху еще прибавила, что она, дрянь болотная...

Ночь, столь светлая на небе, смотрела на тусклый костер холодными звездами. В эту пору обычно наступали заморозки, но отчего-то землю не устилал туман, и первые морозы жгли не так больно. Дама все говорила и говорила, хрипло смеясь и коверкая звуки, и голос ее уносился под купол неба.

Обстановка, в которой она вела свой рассказ, так и располагала написать хотя бы поэму. Язык дамы лишь мешался и наводил на мысли о похабных песнях.

– Кто ты? – крикнула дама, уперев руку в бок.

– Я бандит ветра, – проговорил бродяга так тихо, что барду пришлось читать едва ли не по губам.

– А-а-а-ась? Что говоришь?

Мужчина, одетый в легкие кожаные доспехи, столбом стоял посреди дороги. Тонкий и высокий, он походил скорее на прутик, чем на человека, и казалось, что может сломаться от любого дуновения ветра. Неудивительно, что сил у него не хватало даже на то, чтобы просто говорить громче.

Все время, что бард рассматривал незнакомца, тот что-то говорил. Это было ясно по шевелящимся губам. Дама отчаялась понять хоть что-нибудь и отогнула пальцем ухо, будто так было лучше слышно.

– Меня называют Тенью, и я самый тихий бандит во всей округе, – мужчина начинал беситься, но говорил все также тихо. Не выдержало терпение и у спутницы барда.

– Ах ты, змея! Над дамой издеваться! Что он говорит? – она схватила барда за грудки. – Ну! Отвечай! Негодяи! Оба!

– Не шуми. Он бандит, хочет нас ограбить.

Дама перевела взгляд с губ барда на дорогу. После чего вдруг лихо спрыгнула с коня, подобрала камень с земли и бросила в ближайшие кусты. У каждого рыцаря был свой способ обнаруживать засады, да и чуйка у них заточена.

– Выметайтесь! – по-вороньи хрипло крикнула женщина и обнажила меч.

– Мы только доспехи примерим, – гаркнул один из шайки.

В отличие от бандитов, дама обошлась без победоносного клича. Кусты зашевелились, обнажив три оскаленных рожи. Бард зверски выругался, видя катившуюся с холма безумную свору, и поторопился уйти с дороги и увести за собой коня. Рядом с ухом просвистела стрела.

Дама завертела мечом, не раздумывая, ворвалась в самую гущу разбойников. Их было много, да и напирали они кучей, будто превратившись в чудище, ощерившееся сталью, копьями и арбалетами. В общей свалке невозможно было разглядеть женщину, для которой такой бой был чем-то новым. Она впервые была один на один с бандитской шайкой. Удары градом сыпались на нее, пот застилал глаза, мечи звенели. Никаких правил и эффектных финтов – не хватало ни времени, ни места. Безумная рубка смешалась перед глазами, на место каждого убитого словно вставал новый враг. Число их никак не уменьшалось. Она дралась в кольце.

А потом начался пожар.

Бандиты, как дикари, одетые в шкуры, открыли рты в страшных криках и вдруг разбежались в стороны, кто с горящими спинами, кто хватаясь за обожженную кожу. Дама взмахнула мечом, задев в висок ближайшего противника. Краем глаза она заметила, как бард, сидя на ее коне, забрасывал бандитов горящими факелами. Хотела бы она крикнуть, чтобы не разбазаривал имущество, да помощь его пришлась к стати.

Уже после, когда они вдвоем выбрались из перепалки, дама заметила, что так и бежала по дороге с обнаженным мечом в руке. Кровь застыла на нем ржавыми пятнами, и она, не слыша собственного голоса, скомандовала барду устроить привал. Сама побежала к ближайшей речке, скатилась с обрыва и рухнула в ледяную воду. Дама долго терла покрасневшие руки, вода розовела вокруг нее.

Бард терпеливо ждал, пока женщина закончит. Примерно через час она вышла из подлеска и придиричиво осмотрела стоянку. Она сбросила с себя рукавицы, расстегнула ремешки кирасы и зазвенела кольчугой. Та серебряной чешуей расположилась у ее ног, но тут же оказалась откинута в сторону яростным пинком.

– Бандиты... Собачье дерьмо им, а не мои доспехи! Дюжина на одну даму! Посреди тракта!

Успокоилась она только тогда, когда бард сунул ей котелок с варевом и ложку. Дама медленно помешала густую похлебку с жирными пятнами и толстыми колечками моркови и лука. Съев пару ложек, она будто бы совершенно расслабилась и отошла от недавней схватки.

– Из сегодняшних событий может выйти прекрасная песнь.

Женщина не слышала. Она задумчиво пережевывала попавшийся хрящик, как вдруг решила заговорить.

– Титул рыцаря перешел ко мне по наследству, от матери. Пару лет назад я отправилась в поход. Представляешь, бард? Я, дама, служившая королю верой и правдой, была отправлена за моря, чтобы покорять каких-то чернокожих, да и еще их принцессой становиться! Да, мы тогда много земель захватили, это правда. Но во время перехода через горы я подхватила какую-то хворь. Ни один лекарь мне не помог, и пришлось с позором возвращаться на родину, пока мои братья и сестры продолжали начатое дело, – дама хмуро посмотрела в костер, как если бы в головешках и искрах увидела события тех дней. – Меня из-за глухоты из Ордена выгнали. Я им хотела доказать, что могу сражаться, но никто мне не верил. Говорили, что с немymi еще могут справиться, а глухие им не нужны, – женщина вяло ковырнула веткой угли. – Я дала обет, что как только совершу хотя бы один подвиг, достойный здорового человека, снова возьму в руки щит. А до той поры – нельзя.

– Но ты разобралась с целой бандитской шайкой! – бард не был ей услышан, и пришлось постучать по ее плечу, чтобы она хотя бы подняла глаза.

– Сделай я это одна – тогда другое дело, а так ты мне помог.

– Я сочиню балладу о том, как разверзлись хляби небесные, и с Божьей помощью вода в огонь превратилась, и пламя то тебя стороной обходило! Даже рифма есть. Вот.

«На булатном коне статная дама

Послала с небес Господне пламя...»

Женщина вымученно улыбнулась ему, как нерадивому ученику. Всполохи огня еле отражались от кирасы у ее ног, тени залегли на впалых щеках, скрывая темные пятна кровоподтеков. Она слишком устала, и бард видел это, но ничего не мог поделать. Все же он музыкант, а не паяц. Хотя, кто знает, можно ли вызвать у этой дамы не ухмылку и не оскал, а настоящую улыбку?

– Баллады о любви пишут, – не слишком громко сказала она. – Для нее в моей жизни места нет.

Спустя неделю скитаний бард раздобыл себе кобылу. Для этого пришлось подрать глотку в прибрежных тавернах, перекрикивая пьяный галдеж матросов и ор чаек. Как ни странно, похабная песня о кикиморе и мече стала любимой у пьяниц, так как не обладала ни высоким слогом, ни мудреной моралью. К порту съезжались даже работяги из окрестных деревень, чтобы послушать сказку. Детей, правда, преждевременно выгоняли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.